

Бордо

Архитектура наклонных плоскостей, отсылающая к экспрессионизму Калигана, открывается в глубине сцены над колодезем лестницу, отражающуюся в зеркале: на первом плане — монументальный силуэт скульптуры “падшего ангела” а la Редон — точно такая, что находится неподалеку от Музея Изящных Искусств — и все это в пространстве, с умелым освещением, направленным Патрисом Тротье, в богатой палитре пастельных, сиреневых и красно-золотых тонов, смешивающихся в абстрактные фантастические сочетания: Янис Коккос (постановка, декорации и костюмы) обратился к символизму, что подтвердил еще и выразительными костюмами, сшитыми из прекрасных тканей с отменным вкусом, пластически характеризующими персонажей, что еще раз напоминает о Редоне, Моро, а еще более непосредственно рыжий завитой парик Саломеи и красные складки говорят о Россетти и одновременно о Бердслее. Для тех, кто не ищет дальних ассоциаций, здесь дается слаженная концепция точности и верности духу текста, что справедливо и мастерски выполнено. Несколько загроможденная, площадка позволяет использовать для игр все горизонтальное пространство, а колодезь, откуда исходит голос пророка — гениальная находка либретто и партитуры — противостоит лестнице (по которой восходят евреи, танцовщицы, сопровождающие танец семи покрывал, и солдаты в финале), производящей определенный эффект.

Мудрый и рассудительный подход к постановке позволяет со всей полнотой использовать площадку, расположенную на верхнем уровне, чтобы продемонстрировать великолепную слаженность ансамблевых сцен. Жанин Альтмайер отважно взялась за преодоление вокальных трудностей, хотя по масштабу она почти несовместима с данной ролью, заставляя сомневаться в том, что она на своем месте (нижний и средний регистр в финальном обращении к Ироду), но при этом она создает образ, исполненный фантастической красоты — капризная, взбалмошная, таинственная и порочная женщина-дитя, — тревожный, безудержный и не просто истеричный, как слишком часто делают другие исполнительницы, — она использует свой взрывной темперамент, чтобы завоевать публику при помощи всех мыслимых резервов своего голоса. Стюарт Кейл превосходно рисует образ Ирода — пузатого, похотливого, сладострастного, его сопровождает своей императорской властью и презрением Иродиада Надин Дениз. В то время как пророк, без фальшивой боро-

ды и ложной живописности, но властно и мощно исполнен Кнудом Скрамом. И еще — чрезвычайно убедительный Нарработ Петера Джеффеса, создающий энергичный контрапункт — заставляет забыть о заурядности третьестепенной партии.

Потрясение кулаком и широкая картинность в изображении витальной мощи, заложенной в партитуре, глубоко увлекает Алена Ломбара — несколько в ущерб утонченному эротическому напряжению произведения, но звучание огромного, прекрасно подготовленного оркестра всей мощью заполняет пространство Дворца Спорта, доставляя порой певцам нелегкие испытания.

Франсуа ЛЕБЕЛЬ
("Opera International")
Перевод с французского
Елены ЛЬВОВОЙ

